

ДИАЛЕКТНАЯ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ИНОМИРИЯ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ОДНОГО ИЗ ЭЛЕМЕНТОВ ПИЩЕВОГО КОДА

Н.А. Устинова

Аннотация. В рамках диалектной лингвокультурологии исследуется один из элементов пищевого кода традиционной культуры – алкоголь; выдвигается гипотеза о символической связи его с иномирием, а также описываются языковые и дискурсивные репрезентации этой связи.

Ключевые слова: диалект; пищевой код; иномирие; мотив; отчуждение.

Господство в современной лингвистике антропологического принципа привело к появлению ряда научных направлений, изучающих взаимоотношенность языка и культуры этноса: этнолингвистики, лингвокультурологии, лингвофольклористики, лингвоантропологии и др. Лингвокультурология ставит задачу описания специфики национального культурного пространства через призму языка, который выступает не как фиксированная система знаков, а как инструмент, условие и одновременно часть культуры. Опираясь на гумбольдтианские идеи, лингвокультурология анализирует посредничество языка между человеком и миром, рассматривая способы «оязыковления» действительности.

Актуальной задачей лингвокультурологии является изучение гетерогенных кодов культуры – логико-понятийных систем, связанных с национальным мировидением и миромоделированием. Исследователи полагают, что ядро многих кодов, безотносительно к их субстанциональному характеру, вербализовано совокупностью языковых средств и устойчиво воспроизводится в дискурсе.

Среди кодов культуры заметную роль играет пищевой код. Базируясь на интерпретации элементов пищевой традиции, он описывает многие разнородные ситуации и фрагменты мира, не имеющие отношения к еде. Например, пищевой код используется для обозначения денотативной сферы игры, ритуала, пространства, интеллекта, жизнедеятельности человека (см. работы Е.Л. Березович, К.В. Пьянковой, Т.Б. Банковой, О.В. Беловой, Т.В. Леонтьевой, Е.А. Юриной и др.).

В рамках анализа пищевого кода русской традиционной культуры (далее – ТК) и в ее общенациональном срезе, и в локальных вариантах большой интерес представляет исследование специфической части пищевой традиции – алкоголя. «Оязыковление» алкоголя как элемента пищевого кода играет значимую роль в концептуализации иномирия.

Статья посвящена выявлению семантических отношений между фактами культуры и единицами, описывающими их во фрагменте диалектной языковой картины мира, который объективирует «иной» («чу-

жой») мир. Эмпирической базой исследования стали записи речи носителей русских старожильческих говоров Среднего Приобья, сделанные в период 1947–2008 гг.

Во второй половине XX в. под влиянием работ К. Леви-Стросса, Р. Якобсона, В.В. Иванова, В.Н. Топорова и других ученых в антропологии и культурологии прочно закрепилась мысль о том, что бинарность – универсальное средство описания мира, адаптации в нем и «вообще всякого смыслообразования и формообразования в культуре» [1. С. 34]. Это связано с особенностью мышления человека, воспринимающего весь мир через оппозицию «я – другое».

Таким образом, всякое проявление мира (на уровне сущностей, их атрибутов, действий и состояний) предполагает, с точки зрения познающего мир субъекта, свою зеркальную противоположность, античерту. Если есть профанное, то оно самим своим существованием постулирует бытие сакрального. Обыденный мир требует существования чего-то необычного. Именно так противопоставлены добро и зло, верх и низ, мужчина и женщина, чет и нечет, молодость и старость и т.д.

Активное, бодрое состояние человека с ясным сознанием неизбежно чередуется с состоянием безволия, искаженного сознания. Напряжение ради удовлетворения витальных потребностей в древних цивилизациях было настолько велико, что человеку требовалось на некоторое время забыть о нем, поскольку уничтожить его было невозможно. Это «забвение» вызывают намеренно при посредничестве нескольких рядоположенных инструментов. Ю.С. Степанов [2] систематизировал основные способы, выработанные и локально закрепленные разными культурами: в европейском ареале центральная роль отводится спиртным напиткам; в азиатском – растительным наркотическим средствам типа конопли, мака и их производных; в latinoамериканском и африканском – растениям типа кокаина.

Что касается алкоголя, то Ю.С. Степанов называет порожденное им специфическое (затемненное) состояние сознания «отвлечением от насущных забот о дневном пропитании» [2. С. 229]. Представляется, что уже в данной формулировке можно акцентировать ряд моментов, которые принципиальны для заявленного анализа оязыковления иномирия.

Во-первых, это эксплицированная бинарная оппозиция «пища – алкоголь», которая является константой культуры, «устойчивой и постоянной идеей» [2. С. 5]. Во-вторых, это полуимплицитная оппозиция «день – (ночь)». В русской ТК, тесно связанной с христианством, день осмысливается как символ времени, наполненного реальными, житейскими заботами. «День описывает мир внешний: социальный, возрастной, природный, культурно-исторический аспекты» [3. С. 65; 4], актуализуя смыслы профанной повседневности. Вместе с тем данный член оппозиции имплицитно отсылает и к другим противопоставлениям, выработанным

ным в ТК: «свет – тьма», «этот – тот (иной, другой) мир». Таким образом, на этом уровне возникает семантика иномирия.

В данной статье выдвигается исследовательская гипотеза: обыденный день, свой (светлый) мир связаны с пищей, а алкоголь устанавливает символические связи с темным (иным, чужим) миром. Далее она будет доказана фактами семантической системы диалекта и материалами диалектного дискурса – специализированной клишированной разновидности общения между людьми в соответствии с нормами того или иного социума [5], в нашем случае – крестьянской общины. Диалектная языковая картина мира и коммуникативно выделенные мотивы (темы) дискурса, закрепляя с содержательной стороны денотативные области, фокусирующие внимание культуры и членов сообщества, вскрывают представление о том, что пища поддерживает телесное бытие человека в этом мире, в то время как алкоголь становится, во-первых, средством функционирования, существования иного мира, а во-вторых, способом его достижения, открытия, вхождения в него, отчуждения от «своего». «Свой» мир, как и действительность в целом, – это концепт, не имеющий жесткой структуры. Его аспектация – условность, принятая исследователями для удобства описания. В итоге выделяются прежде всего пространственная, темпоральная и акциональная оси «своего» мира¹.

Пространственная ось привлекла внимание ученых раньше и описана подробнее двух других. Ее, безусловно, репрезентируют пища и алкоголь в системе оппозиций «город – деревня», «дом – поле (страда)» и т. п.

Темпоральный аспект мира пища и алкоголь кодируют обстоятельнее, включаясь в большее количество противопоставлений: «день – ночь», «пост – мясоед», «зима – лето», «будни – праздник» и т. п. (см. работы Н.Ф. Сумцова, Д.К. Зеленина, А.К. Байбурина, Т.А. Бернштам, Н.И. Толстого, С.М. Толстой и др.).

Сфокусируем внимание на акциональном аспекте «своего» и «чужого» мира. Следует полагать, что первый представлен прежде всего обыденной действительностью с ее нормами, обязанностями. «Свое» связано с чем-то каждодневным, вошедшим в привычку, вскрывающим сущность человека. В рамках крестьянской (аграрной) цивилизации труд – это единственная возможность удовлетворить витальные потребности человека. Отсюда его предельная интенсивность, которая не снижалась в течение веков. Коммуникативная выделенность данного мотива в диалектном дискурсе бесспорна: *Раньше каку беду трудились. Тяжелый труд имели²; Своим трудом кормимся, все своим трудом; Вот работали не покладая рук с утра до ночи; Свету не видали, все работали; Вот как работали – спасу не было никакого!; От зари до зари, по пути работали; Много работала. Тяжелу работу работала – не дай Бог!; Работали с малолетства, как собаки; А я же работала, как серый волк.*

Труд, наряду с пищей, является одним из основных структурных элементов повседневности – на разном материале к подобным выводам пришли историки, философы, этнографы (Ф. Бродель, А.Я. Гуревич, И.В. Сохань и др.). Лингвисты также свидетельствуют о том, что концепт *труд* (*работа*) относится к ядерным в концептосфере ТК (см. работы О.А. Новосёловой, Л.Н. Храмцовой, Л.Г. Гынгазовой, Г.В. Токарева, Н.В. Орловой и др.). «Свой» человек для носителей ТК – это прежде всего человек работающий. Неучастие в трудовой деятельности крестьянский социум всегда оценивает негативно. Существуют все основания предполагать, что уклонение от работы предстает как отход (отделение) от «своего» мира.

Функционирующие в среднеобских говорах единицы *гулянка*, *гулево*, *гулёж*, *гулёна*, *гуляние*, *гульба/гульва* репрезентируют ситуацию, не вписывающуюся в рамки обыденной действительности, как сказано выше, наполненной работой. В концепте *гулянка* можно аспектировать следующие признаки по степени снижения их обязательности: а) совместное времяпрепровождение (вплоть до массовости): *В воскресенье, в Троицу, гуляла молодежь; Ну, гулянка – много народу собираются и гулят; Виденьё, компаниями гуляют день-два, три*; б) наличие какого-либо повода, чаще всего праздника или значимого события: *А Покров – это у нас гулёна, праздник был; Ну, вот Октябрьску же гуляли. Гулянка; В больши праздники гулянье было; Когда приедет поез [свадебный], гульва пойдёт*; в) организация застолья: *Много стряпали, кода гульба; Раза четыре в год гуляют, все припасаются, всяку всячину*; г) дозволение песен и плясок: *Такой обычай красивый был, гульба была, гармошки, пляска; Я говорю, хто в кулачки бьётся, пляшет, хто песни поют, хто чё. Гуляли; С Аксиньей и с Мотей, со всеми пели, где гуляшь-то*. В диалектном дискурсе отмечен также тот факт, что гуляние предполагает безудержный разгул, нередко перерастающий в проявления агрессии: *О, раньше как гулянка, этот край [села] дрались. Василий Фёдорович был, драчливый; Когда было отцу лет двенадцать, он всё с попом, а токо водку пили, гуляли, чужих попадьёв гоняли*. Но, пожалуй, ядерным признаком данного концепта является присутствие алкоголя: *А так Паски эти, ну, праздновали так, как все эти праздники, но гулять не гуляли, потому что трудно было достать раньше [спиртное]; Я сам не гуляка, но и у меня такой грех был: в праздники вот выпью; Там идёт гулянье, гулянка. Пьют шибко; Гулял на свадьбе да выпил хорошо; Он гулеван, пьёт; Попадья была гулеванька: выпьет с полведра и проспит до утра*. Участник гулянья (*гулеван*, *гулеванка/гулеванька*, *гулящий*, *гулящая*, *гуляка*) воспринимается как пьяный.

Выделенные выше денотативные сферы действительности – отдых, празднование, застолье, увеселение, связанные с предикатом *гулять*, – позволяют утверждать, что *гуляющий* объект свободен от работы

(не работает). В русском языке концепт *свобода* соотнесен с концептом *воля* (см. работы Н.А. Бердяева, Д.С. Лихачёва, Ю.Д. Апресяна, А. Вежбицкой, Н.Д. Арутюновой, Е.В. Урысон, А.Д. Шмелёва, И.Б. Левонтиной, Л.Г. Гынгазовой), однако взгляды исследователей относительно их сходства различаются. По мнению Л.Г. Гынгазовой, в рамках ТК *свобода* практически не значима, а «дискурсивные проявления» *воли* позволяют сделать выводы о том, что она мыслится как «выход за рамки разумного и дозволенного, сообщающий модальность вседозволенности с позиций субъекта и отрицательную коннотацию с позиции другого» [6. С. 223].

Эти выводы верифицирует и исследуемый элемент пищевого кода. Для человека свобода – это прежде всего способность действовать в соответствии со своими интересами и целями [7]. Однако в заданном аспекте точнее будет сказать, что свободным считается человек, который ничем не занят, не востребован, бездействует. В ценностной системе ТК место работы определяется даже тем, что она захватывает основную часть времени каждого человека. В связи с этим свобода, незанятость воспринимаются им как праздник (т.е. выход из обыденной жизни) со всеми его характерными чертами – самозабвением, отсутствием границ, безудержным весельем, буйством. Это же состояние может достигаться (или усугубляться) посредством алкоголя.

Так, С.М. Толстая [8] вскрывает следующие семантические компоненты, характерные для глагола *гулять*: ‘игра’, ‘любовная связь’, ‘празднование’, ‘употребление алкоголя’. Неслучайно в диалекте устойчиво противопоставлены лексемы *гулять* и *работать*, *пить* и *работать*³. Данные пары строго антонимичны на основании регулярной совместной воспроизводимости в речи [10]: *Мало работат, много гуляет – лодырь, гулеван, пьяница; Он гулят, не работат; Все приезжали, от три дня гуляли, потом работали все до потери сознания, до тёмной ночи; Гулять так гулять, работать так работать; Что вы, разве в рабоче время пили раньше? Мне счас и в голове не помещается; Он упиват часто, а если бы не упивал, дак тут [в деревне] руки не покладывай, работай; И пьёт, и на работе, штаны болтаются, двужильный какой-то; У нас немтуха вот здесь есть. Хороша женишина, она девка, ей уж 55 лет. Она непьюшиша, негуляшиша. Работница была хороша, работала в колхозе; Я пришёл не пить, не гулять, а работушку работать*. Как видим, в текстах дискурса постоянно воспроизводится противопоставление не работы и бездействия, безделья, а разных видов деятельности.

Интересно, что при жесткой противопоставленности признаков концепты *гулянка* и *работа* на уровне текстовых (речевых) реализаций могут быть представлены тождественными средствами апелляции к ним именно на основании «действенности». Многие функционирующие в диалекте экспрессивные общерусские, а также просторечные глаголы

(бузырить, дуть, жарить, жварить, хлестать, чесать, шпарить и др.) способны обозначать интенсивный труд и употребление алкоголя.

Свобода от работы приводит к тому, что человек, который гуляет (пьёт), оказывается отделенным и от «своего» мира, центром которого она является. Вольный воспринимается не как независимый в своих действиях, поступках, а как человек, нарушающий нравственные нормы [6]. Его негативная оценка отражена в устойчивых диалектных выражениях *волей заниматься, волей взяться* ‘вести себя распущенно, не считаясь с общими нормами поведения’, а также в лексеме *вольный* ‘распутный, пьяница’: *Ну не работала нигде, молоденька, ну, двадцать шесть, гыт, ей, лет. Пила, волей занималась; Ну, она, наверно, волей занялась либо пить стала.*

Таким образом, лексические единицы, формирующие и репрезентирующие концептосферу *алкоголь*, реализуют мотивы отделения, отчуждения от коллектива, нарушения норм, иными словами, антиповедение – «обратное, перевернутое, опрокинутое поведение, т.е. замену тех или иных регламентированных норм на их противоположность» [11. С. 321]. Мотивы различных проявлений антиповедения пьяного хорошо разработаны в диалектном дискурсе. Это не только бездействие, когда человек «не делает» ничего или чего-то нужного (*Она поехала, да и он там напился пьяный и не повёз её; Пил-пил [муж], она всё его ругала: одна работат на заводе, а он болтаются; Какой он хозяин! Ему виши гасник [пояс] переели: денег в дом не носит, пьёт, толку от него нет!; Маленьки поросёнки. Ну все орут, орут – прям рёвом ревут [с голоду]! Анька делат [корм], наделат, Лена полы моет, Коля спит. Ничё нипочём – выпил да и спит⁴), но и потребление (уничтожение), заменяющее созидание (*Она только зарабатывают, а он пропиват; Он работать ленивый – деньги пропиват; Восемьдесят пять получал – и всё пропивал; Муж – пьяница несусветный: чё заробит, то пропьёт; Денег ничё не оставил, всё пропивал).**

Кроме того, пьяный отделяет себя и других от своего мира, демонстрируя: а) безразличие к собственной жизни (*И брат удавился с пьянки; У нас один мужчина повешался. Бутылка заставила; Мужа много лет нету: сгинул где-то, видать, пьяным напился, пропал; В Белом Яру сын жил. Напился пьяный, ушёл в болото и умер; Верой правдой офицера [служил вначале]. В петлю залез. Пьянчужка; Отец тоже пил, одне наняли его дрова пилить, а он одёжу не одел, пошёл в марте, да не в тот проулок попал, замёрз; Это только вино играт. Дурность на себя напускают. Или не хочут жить); б) способность нанести вред окружающим людям, выбрасывая их из мира нормы, отчуждая от нормы тех, с кем соприкасается чужак (*Он теперь тоже, поди, без ноги останется. По пьянке какой-то на мотоцикле сииб да испакостил мужика здорового; Он молоденьки был. Как напоили – он свалился под лавку. Как блевал, так и потерял зубы; Наньётся – так как ошшелет. И глаз было выкопал [жене], и так бьёт ее, Гальку-то, ага).**

В той или иной мере семантика «чужого» свойственна многим единицам, описывающим данную денотативную сферу. Они вербализуют «плату», которую человек отдает за вхождение в иномирие. Анализ лексической и фразеологической системы говоров доказывает, что инструментом проникновения в пространство чужого становится алкоголь, а платой – отказ от человеческой сущности, имеющей многообразные проявления, которые обнаруживаются в функциях и признаках «своих» людей и с точностью до наоборот отрицаются «чужим» миром. Этот мир отворяется после:

1) отрешения человека от социального: а) трудовых навыков – **лыка не вязать** (*Жена моя лыка не вяжет; Напьётся пьяна, суда приедет пьяна, лыку не вяжет*); б) родственных связей – **ни тяти ни мамы; тяти, мамы не кликать** (*Лежим с мнужом, зятьёк пришёл. Ну, ни тяти ни мамы [пьян]; Провожают масленицу. Так напровожаются, дак тятю, маму не кличут*);

2) отрешения от физиологического, телесного начала: а) вертикального положения в пространстве – **пить до упаду, пить до шицба, рога в землю, на ногах не стоять** (*Работают день, а вечером до упаду пьют; Не сидели в одном доме, как счас. До шицба напьются, а по гостям ходили*); **валяться, лежать** (*Коровы ревут, а баба напилась пьяна да валяются; Напилась, грязна, валяются, гыт, там, посредь улицы; То ли пьяный, то ли трезвый, не знаю [лежит]; Чё тут равнять с городом? Пьяный свалился – и голый [ограбленный] проснулся; Вот котора напилась, свалилась, и говорят: спилась; А Коля подпил, да тамо-ка ходил де-то, в канализацию там де-то завалился*); б) подвижности живого существа: **остекленеть, остеклеть, истеклеть** (*Пиво было крепко, все остекленели; Истеклел – шицбо пьяный напился*);

3) отрешения человека от интеллекта (*Она пьянёхонька была, ничё не понимают; Ничё не знат, пьяна в дым!; А чё с него возьмёшь, с этого забулдыги? Леший его поймёт; Он пьяный дурной; Потрясли её [пьяную], потрясли, она – «ну, жива, гыт, мыкат чё-то»*). В диалектное семантическое поле *пить, пьяный, пьяница* входят лексемы **дикуша, диковатъ** (*дичать, дековать*), **дикий** (*дикой*), у которых развиваются лексико-семантические варианты, связанные не только с семантическими компонентами 'недоразвитый', 'глупый', 'безумный', но и 'злой', 'сердитый', 'недоброжелательный', 'буйный', 'беспокойный', 'шумливый', 'шаловой', 'необузданный'. Все эти проявления приписываются пьяному: *Напьётся пьяный и дикует. Ровно дикари, дикуют и дикуют, дурят; И вот приехала да запила. Эти огурцы – тому даёт, другому даёт, разбрасывают, ну прямо. Ой, прямо дикуют-дикуют!; Нажрался вина да раздиговалси; Дикуша-то? Называют. Ну, женицину, кака-нибудь вот так вот делат, ну сейчас вот как вот Вера тоже вот пьяна ходит.*

Вот, говорят, дикуша дак дикуша. Ну вот бежит куды попало да говорит чё попало, дак и вот дикушей и называют её, ну дикует, говорят.

Интересно, что словари А.Г. Преображенского [12] и М. Фасмера [13] отмечают в некоторых славянских языках у слова «дикий» значения 'дикий кабан' и 'коза'. Представляется, что можно говорить о постоянной дискурсивной реализации носителями ТК и мотива отделения пьяного от сообщества людей как таковых: *На него [пьяницу] смотришь, а он даже на человека не походит. Дикий. И действия все его дикие. Человечество-то всё теряет... Никто плохо никогда не говорит... Что вот, давай, жри, пей вино, твори чудеса. Все воспитывают. Откуда всё это наружу выплыват, чёрт его знат; Он трезвый – человек, а как пьяный... Как видим, термин «культурная память» [3] вполне релевантен и по отношению к семантике диалектного слова. Мотив лишения человеческого и переход в нечеловеческое проявляется и в постоянных в текстах диалектного дискурса образах собаки (пса) и свиньи, а также собирательном образе скотины: **напился, как свинья; пьёт, как собака, как скотина**. Свиньи же они нынче – привыкли пить; А счас погляди: ждем с работы ись, а он идёт, как свинья, пьяный; Пьют безобразно, как свиньи; Баба уехала в Москву, [а] он пьёт, как собака. Этот же мотив реализуют связанная номинация *рогами (рога)* в землю и единицы *облаять, обгавкать*, приписывающие человеку атрибуты животного: *Нихто не напьётся, бывало, чтоб рогами в землю; Облаять – это уже облает пьяна, всяко обзовёт; Не дай Бог, это вино проклято, как вот у меня сынок: он обгавкат, обматерит, это всё напосле какой-то станет, просто стыдно.**

Все описанные выше способы отказа от человеческого «закрывают» прежний мир: либо «свой» отодвигают чужака от себя навсегда через прямое физическое действие (*Пил у той-то жене, она его **выгнала**; Он стал, лешак, пить, я его и **погнала**; Решили, что если товарищ Палкин будет замечен в пьянке, безо время будет **снят** с работы без правления колхоза*), либо он сам отделяется от них (*Она [жена] это, в общем ушла от него. Упивать стала и всё и... волей взялась и **ушла**; Он пил **шибко** у ей, да нехороший характер у его худой, и он **разошёлся** с женой*).

Итак, анализ «алкогольной» части пищевой традиции продемонстрировал универсальность концептуализации «своего» и «чужого» мира, обусловленную закрепленными в культуре символами, архетипами, метафорическими моделями. Сложность, многомерность описываемого фрагмента концептосферы ТК определяются антиномичной природой его составляющих. Базовое представление, соотносящее иномирие и алкоголь, преобразуется в набор мотивов разного субстанционального характера, которые и репрезентируют передвижение человека в иной мир, а также отчуждение от «своего» мира. Это становится возможным при отказе от работы, являющейся фундаментом «своего» мира. Вместе с тем язы-

ковая интерпретация вскрывает парадоксальное смыкание и в конечном счете онтологическое единство «своего» и «чужого» миров в рамках ТК.

Примечания

- ¹ Безусловно, в современной литературе аспектация представлена шире, и разные авторы называют национальную, религиозную, социальную, гендерную и другие оси «своего» мира.
- ² Пометы о времени записи и локалы сняты, поскольку весь собранный материал предстает как единое целое – гипертекст бесписьменной ТК Среднего Приобья [4].
- ³ На сибирском диалектном материале О.А. Новосёлова, Л.Н. Храмцова [9] пришли к выводу, что в диалектном дискурсе при осуждении женщин, уклоняющихся от работы, подчеркнута их неопрятность, а мужчин – пьянство.
- ⁴ Данный текст репрезентирует антинорму действия применительно ко времени: «свой» (светлый) мир не связан со сном.

Литература

1. *Пелипенко А.А., Яковенко И.Г.* Культура как система. М., 1998. 376 с.
2. *Степанов Ю.С.* Константы: словарь русской культуры. М., 2001. 989 с.
3. *Яковлева Е.С.* О понятии «культурная память» в применении к семантике слова // Вопросы языкознания. 1998. № 3. С. 43–73.
4. *Калиткина Г.В.* Объективация традиционной темпоральности в диалектном языке. Томск, 2010. 296 с.
5. *Карасик В.И.* Этнокультурные типы институционального дискурса // Этнокультурная специфика речевой деятельности : сб. обзоров ИНИОН. М., 2000. С. 37–63.
6. *Гынгазова Л.Г.* О концепте «воля» в индивидуальном сознании носителя традиционной речевой культуры // Актуальные проблемы русистики. Вып. 3: Языковые аспекты регионального существования человека. Томск, 2006. С. 220–229.
7. *Большой* энциклопедический словарь. СПб., 2000. 1434 с.
8. *Толстая С.М.* Пространство слова. Лексическая семантика в общеславянской перспективе. М., 2008. 528 с.
9. *Новосёлова О.А., Храмцова Л.Н.* Фрагмент диалектной языковой картины мира: понятие «работа» и лексические средства его выражения // Актуальные проблемы русистики. Вып. 3: Языковые аспекты регионального существования человека. Томск, 2006. С. 265–271.
10. *Блинова О.И.* Словарь антонимов сибирского говора. Томск, 2003. 242 с.
11. *Успенский Б.А.* Антиповедение в культуре Древней Руси // Избранные труды. Т. 1: Семиотика истории. Семиотика культуры. М., 1994. С. 320–332.
12. *Преображенский А.Г.* Этимологический словарь русского языка. М., 1959. 1284 с.
13. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. М., 1986. Т. 1. 573 с.

THE DIALECT CONCEPTUALIZATION OF THE «OTHER» WORLD THROUGH A PRISM OF THE FOOD CODE ELEMENT

Ustinova N.A.

Summary. One of the food code elements – alcohol – is studied in dialect linguistic and culturological sphere, the hypothesis about its symbolical connection with the «other» world is investigated, its language and discourse representations are described.

Key words: the dialect; food code; «other» world; motive; alienation.